Александр
Пумпянский

ДИКТАТОРЫ И ТЕРРОРИСТЫ

Хроники мирового зла

Александр Пумпянский

Диктаторы и террористы. Хроники мирового зла

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Пумпянский А.

Диктаторы и террористы. Хроники мирового зла /
А. Пумпянский — «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-106069-5

Любое время – ужасно для думающего современника. Свидетельства Александра Пумпянского о новейших временах; исполненные им портреты разных политических систем и политиков; описание болевых точек человечества и поиски общего знаменателя – все это вы найдете в этой книге. Как говорится на популярном ныне интернет-языке, «многобукв» – но оно того стоит.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-17-106069-5

© Пумпянский А., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

От автора 6
Ассасины, немного гашиша и много наркотика власти 7
1776 футов над эпицентром 11
Нью-Йорк. Вид сверху 12
Тот же вид, год спустя 15
Усама Бен Ладен как лобное место 18
Десять лет спустя 22
Репортаж из самой горячей точки 25
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Александр Пумпянский
Диктаторы и террористы
Хроники мирового зла

© Пумпянский А., текст
© Игонин В., дизайн обложки
© ООО «Издательство АСТ»

* * *

От автора

Журналист отличается от писателя тем, что он не придумывает события, он их описывает. Он не сочиняет сюжеты, их «сочиняет» кто-то другой наверху, гораздо выше, чем вы подумали. Задача журналиста их расшифровывать, прочесть Высший промысел – логику происходящего, социально-политические закономерности, ходы истории. Журналист – объективный писатель (по крайней мере, должен быть таковым).

Тема этой книжки – диктаторы и террористы. Два явления древних, как Библия и куда как современных. Два худших мировых зла. Это множество самых разных историй, драматичных, трагичных по высшему счету.

События имеют свойство развиваться – порой долго и самым причудливым образом. Так что писались эти истории, естественно, не в один присест, даты в конце каждого фрагмента фиксируют текущий момент. Задача хроникера – понять, куда и как они текут, сложить верную картину.

У пишущего есть взгляды и пристрастия. Читатель быстро разберется в них. Но я старался быть объективным.

Ассасины, немного гашиша и много наркотика власти
Кое-что про слова – вместо предисловия

Ассасины. Это слово вошло в европейские языки, словно нож наемного убийцы. То, что оно восточного происхождения, не вызывает сомнения, но вот по поводу его зачатия существуют разночтения. Или, если хотите, историческая инвариантность.

Кто-то производит его от собственного имени Хасан ибн Сабах – был такой характерный персонаж на Ближнем Востоке, известный еще как Старец Горы.

Другие – от нарочито уничижительного арабского слова, означающего что-то вроде: отщепенцы, люди за чертой.

Прославленному венецианцу Марко Поло принадлежит самая интригующая версия. Он уверен, что корень слова – гашиш!

За тысячу лет история обросла легендами и сама превратилась в миф. Пройдемся по его составным частям.

Хасан ибн Сабах – очередной воитель за святую веру, каковой, без сомнения, являлась близкая ему подветвь исмаилитской ветви мусульманства. На рубеже XI–XII веков он утверждал ее против врагов внутренних – сторонников всех других ветвей мусульманства, и врагов внешних, нагрянувших из Европы – крестоносцев, попутно решая свои практические задачи. Утверждал особым способом: он создал Орден ассасинов – убийц.

Воевать со всеми противниками долго и накладно. Да и зачем, когда дело можно решить одним ударом ножа?

Он обосновался в крепости Аламут – по нынешней географии в северо-западном Иране. Свою организацию Ибн Сабах называл *Asās,* Общество Веры, а его членов — *Asasiyun,* благоверные. Выстроена она была безупречно. На вершине вождь, он же пророк. Ниже благоверные – «несущие волю», поделенные на два уровня, только высший уровень имел доступ к вождю. Дальше шли «товарищи». В самом низу располагались «последователи» – человеческий материал. Действия всей пирамиды власти были направлены на то, чтобы сделать из этих людей гвозди.

Люди-гвозди получали звание *федаи* (жертвующие собой). Они были заточены на два действия: самым коротким способом забрать жизнь у того, на кого укажет высший перст, и без колебаний отдать свою. Все остальное было избыточным.

С душой этих «избранников наоборот» в Аламуте работали так же тщательно, как и с телом. При этом средством, которое доводило федаев до кондиции, был гашиш – он давал ощущение рая. Ощущение рая ассоциировалось у молодых людей с личностью их великого предводителя. Только от Старца Горы зависело, попадут ли они в рай, будь то конечная инстанция для самых достойных или пока земная его репетиция.

Так, во всяком случае, утверждает Марко Поло.

Между прочим, именно эту легенду – со ссылкой на знаменитого путешественника пересказывает граф Монтекристо. Послушаем его: Старец «приглашал избранных и угощал их, по словам Марко Поло, некоей травой, которая переносила их в эдем, где их ждали вечно цветущие растения, вечно спелые плоды, вечно юные девы. То, что эти счастливые юноши принимали за действительность, была мечта, но мечта такая сладостная, такая упоительная, такая страстная, что они продавали за неё душу и тело тому, кто её дарил им, повиновались ему, как богу, шли на край света убивать указанную им жертву и безропотно умирали мучительной смертью в надежде, что это лишь переход к той блаженной жизни, которую им сулила священная трава».

Не доверять графу Монтекристо? Невозможно. И пусть критики утверждают, что не находят подтверждения этой теории в мусульманских источниках.

Так или иначе не вызывает сомнения сам фактор индоктринации. Убийства творились во имя веры. Ассасины были не простые наемники, они были воины джихада, защитники святого дела, орудия небесной кары. Неважно, что она была сосредоточена в одних земных руках. Ведь он, Старец Горы, говорил именно так: «Убийство этого шайтана предвосхитит райское блаженство!»

Аламут – прообраз нынешнего терроризма. Внизу напрашивается параллель: федаи – шахиды. Сверху вертикаль идеальной диктатуры – чистая Орвеллиана: *Большой Брат, Внутренняя Партия, Внешняя Партия*. Структура Аламута пунктуально повторяет общество «1984». Поскольку плагиат из будущего маловероятен, то приходится признать, что это матрица. Всякое тоталитарное общество строится по этому принципу.

Уместно напомнить диалог жертвы и палача из этого романа XX века.

«Он (Уинстон) заранее знал, что скажет О'Брайен: что партия ищет власти не ради нее самой, а ради блага большинства… Это партия вечный опекун слабых, преданный идее орден, который творит зло во имя добра, жертвует собственным счастьем ради счастья других…»

Однако неожиданно для Уинстона О'Брайен отбрасывает демагогию.

«Теперь я сам отвечу на этот вопрос. Вот как. Партия стремится к власти исключительно ради нее самой. Нас не занимает чужое благо, только власть… Власть – не средство, она цель. Диктатуру учреждают не для того, чтобы охранять революцию; революцию совершают для того, чтобы установить диктатуру. Цель репрессий – репрессии. Цель пытки – пытка. Цель власти – власть…

И помните, что это навечно. Лицо для растаптывания всегда найдется. Всегда найдется еретик, враг общества для того, чтобы его снова и снова побеждали и унижали… Никогда не прекратятся шпионство, предательства, аресты, пытки, казни, исчезновения. Это будет мир террора…»

Terror по-русски ужас. Террор – наведение ужаса. Терроризм – диктат наведением ужаса.

Примеры терроризма можно найти в Библии. Именами великих и ужасных диктатур история усыпана с древнейших времен. Отличить, оторвать одно от другого невозможно.

Плутарх описывает сцену из времен раннего Суллы. «Большинство из обреченных на смерть триумвиры были намерены подвергнуть публичной проскрипции после вступления своего в Рим. Но двенадцать человек, или, как утверждают другие, семнадцать, из наиболее влиятельных, в том числе и Цицерона, решено было устранить ранее остальных, подослав к ним убийц немедленно. Четверо из них были умерщвлены сразу. Но в то время как по Риму разыскивали других и обыскивали дома и храмы, внезапное смятение охватило город, и всю ночь были крики, беготня, рыдания, словно во взятом неприятелем городе…»

Случались и анекдоты. Султан Бейбарс I так часто отправлял своих гостей на тот свет, угощая их отравленными напитками, что однажды сам по ошибке выпил собственноручно приготовленный бокал с коктейлем из верблюжьего молока с ядом.

Тирания возникла в Древней Греции. Классическими *деспотиями* являлись Ассирия, Вавилон, Древний Египет, Персидские царства. Появлением *диктатуры* мы обязаны Древнему Риму.

Между тем, прежде чем сами эти слова обрели современный смысл, они проделали драматическую эволюцию. *Диктатор*, к примеру, был высшее должностное лицо, облеченное всей полнотой государственной власти. При этом изначально он назначался решением сената лишь в чрезвычайных случаях (например, на время ведения войны) и на срок не более шести месяцев. Но вот беда: ограничения тягостны для честолюбивого правителя, они мешают ему творить общественное благо. И он быстро усваивает, что тирания действительно самый удобный способ разрешения конфликтов с оппонентами. Чрезвычайные положения можно искусно

продлевать, а противников подвергнуть высылке – очень либеральная мера, а то и казни, заодно пополнив их имуществом казну. Конечно, делать это надо умело, опираясь на вооруженную силу, личную преданность которой надо обеспечить в первую очередь, на безудержную демагогию про защиту народного дела (греческое слово *демагогия* когда-то означало просто «общественная деятельность», но тоже мутировало к сегодняшнему звучанию).

Так тираны, деспоты и диктаторы становились сами собой. Рассказы о мудрых и справедливых тиранах – бабушкины сказки, вечный пиар режима.

Тут пригодится греческий апокриф.

Начинающий тиран направил к соседу – опытному тирану посла, чтобы узнать, как лучше всего утвердить свою власть. В ответ тот молча прошел по полю, срезая верхушки колосьев. Совет был усвоен: выдающихся людей, особенно благородного происхождения следует устранять.

Но это только самое начало науки диктатуры. Ноу хау всевластия куда более разносторонне и изощренно. Полезно назваться «любимцем Венеры», как римский Сулла, и ввести проскрипции – списки врагов отечества, подлежащих убийству (за укрывательство проскрипта – тоже смерть!). Или объявить себя прямым потомком царей, правивших еще до Великого потопа, – полубогов Адапы и Гильгамеша, как ассирийский царь Синаххериб, и снести прославленный древний город Вавилон с лица земли. Или сжечь всю гуманитарную литературу, заживо зарыть в землю четыреста ученых (конфуцианцев), как это сделал Цинь Шихуанди, и задуматься о том, что пора принять титул выше царского. Хорош титул *ди* — императора. Но ведь надо посоветоваться с народом. После длительного обсуждения решено принять титул *хуанди* – высочайшего императора. Все советы с народом будут иметь такой характер.

Успешная диктатура всегда конструкция из двух половин: террор и сакрализация правления. В надстроечной части личный культ и идеологема прикрытия (все, что делается, делается ради высшей идеи). Но все величественное сооружение опирается на террор. Роль террора фундаментальна.

Исключительно эффективны казни. В древнекитайском царстве действовал длинный прейскурант этой государственной процедуры. Членам правившего рода и наиболее высокопоставленным чиновникам смерть «жаловалась». Император посылал обвиняемому меч, великодушно даруя ему возможность покончить самоубийством у себя дома. Более регулярными видами высшей меры наказания были: уничтожение трех родов преступника – рода отца, матери и жены (*исаньцзу*) или уничтожение одного только рода преступника (*цзу*). А как эффектно четвертование (*чэле*)! Руки и ноги осужденного привязывают к четырем различным колесницам, запряженным быками, затем по команде быков пускают вскачь, и тело разрывается на части. К этому надо добавить: разрубание пополам, разрубание на части, обезглавливание после казни, выставление головы на шесте в людных местах, обычно на базарной площади города, удушение, закапывание живьем, варка в большом котле, выламывание ребер, пробивание темени острым предметом…

У этого стиля правления есть и свои издержки. Садизм органично сочетается с паранойей и манией преследования, за которую, впрочем, тоже расплачиваются окружающие. Корни бесчеловечности не в медицинской, а в социальной патологии. Психо властителей – продукт бесконтрольности. Масштаб преступлений – мера величия диктатуры.

Тамерлановы башни из черепов. Нерон любуется зрелищем подожженного им Рима, играя на скрипке. Царь Ирод и избиение младенцев… Эти апофеозы диктатуры стали символами абсолютного зла. Присно и во веки веков.

Диктатура – простейшая формула власти. Террор – простейшее средство обеспечения власти. И то, и другое естественно в примитивном обществе, где нет других средств и скреп. И противопоказано зрелому обществу, которое доросло до общественного договора.

Речь необязательно о XXI веке. В Древней Греции в V веке до нашей эры отношение к *тирании* уже было однозначно негативное, именно тогда, свидетельствуют историки, этот термин приблизился к своему нынешнему значению. В ту давнюю пору развитой демократии тирания естественным образом воспринималась как вызов справедливости, ибо она несовместима с самой основой существования гражданского коллектива – всеобщим равенством перед законом.

Французский философ и остроумец Пьер Буаст, которому принадлежит знаменитое *mot*: «Аристократия и демократия – сестры, которые различаются воспитанием, состоянием и манерами», высказался и на этот счет: «Деспотизм есть ложное верование, таинство которого состоит в том, чтобы заключить всю нацию в одного человека». И еще: «Деспотизм бывает уделом выродившихся наций; они его заслуживают и подвергаются, не чувствуя его».

Диктатура и террор – два соблазна всех власть имущих и жаждущих власти. В XX веке оба тренда побили все рекорды-антирекорды и нарушили все человеческие нормы.

Терроризм стал международным явлением, то есть мировым злом. Он приобрел неизбирательный характер и потому утратил всякое оправдание. Месть – эту сатисфакцию за страдания еще можно понять (не принять), это входит в логику человеческих эмоций. Но когда мишенью сознательно становятся случайные люди, бомба (человекобомба!) утрачивает всякую рациональную цель. Отправить на тот свет как можно больше неизвестных, ни в чем не повинных людей – за пределами всего. Это абсолютное преступление, и оно признано таковым в национальном и международном законе.

Не то с диктатурами. Тоталитарные эксперименты Сталина, Гитлера и Мао – вершина жанра. Такой массовой и радикальной переделки сознания человечество еще не знало. Преклонение перед вождями разогрето до степени национального исступления. На роль высшей идеи, отменяющей рацио, назначается каждый раз своя мания – утопия, она же национальная идея фикс, вознесшаяся до реальной претензии на мировое господство. Безумным целям соответствуют чудовищные средства. ГУЛАГ и концлагерь, голодомор, Холокост, «культурная революция»… Террор перерастает все границы, вырывается на уровень геноцида и демоцида, выливается в мировую войну.

То, что натворили в новейшей истории эти новейшие бичи Господа со своими народами и человечеством, безусловно, ставит диктатуры вне закона. Однако говорить об этом можно лишь в моральном смысле. Не легальном. Юридическому осуждению подверглась лишь одна форма тоталитарной диктатуры – нацизм. Приговоры Нюрнбергских процессов – историческая веха, но и они, увы, не работают как универсальный прецедент.

Ну и как прикажете быть с диктаторами? Стэндфордский профессор доктор Шмиттер предложил Организации Объединенных Наций оборудовать для них остров наподобие Эльбы. Он и местечко подходящее подыскал – в южной части Тихого океана. Увы, ООН не торопится – нет на этот счет консенсуса среди правительств. Не писан такой мировой закон, который бы объявлял диктатуры тем, чем они являются – преступлением против человечества. И судя по политическому дискурсу на высшем уровне в отношении таких однозначно одиозных фигур, как Саддам или Каддафи, с ним не торопятся. А потому сирийский Асад II мог вести необъявленную войну против собственного народа, сколько ему заблагорассудится. А северокорейский Ким III объявлять ядерную войну всем своим противникам и по совместительству кормильцам скопом по три раза на дню…

А идея неслабая: только представить себе эту встречу на Эльбе!

Январь 2014 г.

1776 футов над эпицентром
Декада 9/11. Четыре вспышки

Нью-Йорк – мегаполис и мегаполюс всех контрастов. Его клянут или им восхищаются, им грезят или из него бегут – середины он не знает. Это делают сами американцы, что уж тут говорить об иностранцах! Говорят, что настоящий Нью-Йорк – это Манхэттен. Говорят, что Нью-Йорк – это не настоящая Америка… Полвека, если не век назад, он уже был городом XXI века, что, впрочем, необязательно воспринималось как комплимент.

Стоило подняться на смотровую площадку на 110-м этаже одной из двух Башен-близнецов Всемирного торгового центра, и все эти публицистические банальности вмиг вылетали из головы.

Нью-Йорк. Вид сверху

Фантастическое, ни с чем не сравнимое зрелище – этот немыслимый город, – самое яркое, могучее и парадоксальное порождение американского национального духа и социального характера, слепок этой цивилизации с ее гордыней и практицизмом, с буйством сил, не помещающихся ни в каких границах, алчностью и техническим гением, с безоглядным экспериментаторством и новыми представлениями о красоте и уродстве. Новая классика урбанизма. Рим, Париж, Лондон – в них застыла гармония прошлых столетий. Памятником XX веку может быть только Нью-Йорк. С вершины 110-го этажа башни-близняшки он был виден как на ладони.

Этой вершины больше нет.

По-английски пик, вершина – summit. Словечко вошло в наш язык, правда, только политический, после серии встреч на высшем уровне, которые образно назвали саммитами. Башни-близнецы были пиком, двуглавой вершиной не просто Нью-Йорка, но всей западной цивилизации, мирового рынка. Самая дорогая недвижимость на земле, каждую ячейку которой заполняли самые высокооплачиваемые мозги финансового мира, нервными окончаниями самых современных и совершенных коммуникаций соединенные с банками, биржами, транснациональными корпорациями, посылавшие во все концы мира команды, совокупная цена которых исчислялась сотнями миллиардов долларов. 50-тысячная толпа уникальных специалистов, два раза по 110 этажей самой ценной экспертизы и самых дорогостоящих решений были командным пунктом и нервной системой глобальной экономики. Крыша мира.

Крыша рухнула. Это случилось 11 сентбря 2001 года.

9/11. Достаточно за упокой! Поговорим за здравие.

Мало кто избежал соблазна предаться эсхатологическим грезам в связи с кошмарным, немыслимым, действительно ранее непредставимым происшествием. Реальный сценарий в очередной раз превзошел все фильмы-катастрофы, которыми нас пугал неистощимый на выдумки Голливуд. Жизнь-катастрофа, мировая премьера! Не в состоянии оторваться от телеэкрана, шесть миллиардов потрясенных зрителей часами рассматривали повторы одних и тех же кадров. И все это в прайм-тайм человечества – на старте нового века и тысячелетия. Жуткий шок! С перепугу «Известия» в квазипередовой на следующее утро провозгласили пришествие эры ислама. По первому каналу заново рожденный – практически на наших глазах – христианский фундаменталист Максим Соколов заклеймил прогнивший, потерявший волю к жизни Запад. Самые раскрученные наши маргиналы злорадно увидели наконец воочию закат Америки. И разные голоса хором провозгласили Войну Миров.

Стоит немного успокоиться.

Беспримерная, дьявольская операция – вот что поразило наше воображение, парализовало разум. Какие силы тьмы могли совершить такое?

Между тем дьявольской является лишь сама идея – с помощью трех ножей превратить пассажирский самолет в крылатую ракету.

Автобусы с пассажирами захватывали неоднократно у нас в Минводах. Смертники-человекобомбы официально взяты на вооружение исламистами на Ближнем Востоке уже несколько лет назад. Угоны самолетов в последние десятилетия сродни дурной болезни. «Ноу-хау» Неизвестного Террориста заключается в том, что он объединил эти отработанные приемы и элементы в одну операцию и придал ей небывалый размах. Что тоже, впрочем, не делает ее чем-то сверхъестественным: угнать четыре самолета вовсе не в четыре раза трудней, чем угнать один самолет. Может быть, Неизвестный Террорист даже сам не верил в такой оглушительный успех своей затеи: что все четыре самолета будут действительно угнаны и что три из них поразят

цели. Может быть, он просто страховался, ему было достаточно и одного шанса из четырех. А выпал джек-пот.

В этом ему сильно помогла сама Америка. Самолетов в ее небе пруд пруди – как автобусов. На самых напряженных маршрутах вроде Нью-Йорк – Вашингтон или Нью-Йорк – Бостон они и летают в режиме автобусного сообщения. Вдобавок у пилотов была привычка держать двери в кабину открытыми и привечать всех любознательных, так что злоумышленникам оставалось только пронести на борт ножи – все остальное проблем не составляло.

Так или иначе Неизвестному Террористу удалось доказать то, что он хотел доказать: если ломом ударить по самому совершенному компьютеру, то и из самого совершенного компьютера можно вышибить мозги. Думается, однако, что это последняя столь успешная мозговая атака Неизвестного Террориста.

Паники даже в обреченных небоскребах, как свидетельствуют спасшиеся очевидцы, не было. Конец света тем более не наступит.

Башни-близняшки вырастут заново. Показухи не будет, но весь мир увидит, как американцы умеют быстро и эффективно строить уникальные объекты. Уже через несколько лет главы Центра международной торговли вознесутся на прежнюю, а может быть, и новую, рекордную, высоту. В том, что в стройку будут заложены самые последние достижения науки и техники, не говоря уже о новых параметрах прочности, можно не сомневаться.

Совокупная деятельность пострадавших финансовых институтов – арендаторов ЦМТ, несмотря на потери интеллектуального капитала, будет восстановлена в считанные недели и месяцы. Жизнеспособность высокоорганизованного бизнеса исключительно велика.

Доллар фактически не пошатнулся – разве что в наших обменниках, и то на несколько часов, но это уже вопрос нашей психики, а не американской физики.

Если же говорить об американской психике, то я думаю, что шок, который пережила Америка, оставит в ней глубокий след. Но вовсе не тот, на который рассчитывали планировщики террора.

Американский ответ на дерзкий удар терроризма будет не просто военным. Безусловно, в военно-политической сфере США пойдут очень далеко. Они возьмут дело борьбы с международным терроризмом в свои руки, предложив НАТО, ООН, разным странам по отдельности и всему мировому сообществу в целом присоединиться к ним. На тех, кто будет кочевряжиться, оборачиваться не будут.

Слово «война» первым произнес президент Буш. Ему вторил госсекретарь Пауэлл. Но это не война миров. И это не мировая война, хотя она не будет знать границ. Это ничем не ограниченная, кроме цели, операция без видимого конца, «ограниченная война» против мирового терроризма. Неизвестные террористы должны стать известными. Единственным их убежищем должна быть могила. Такова объявленная цель. Но этого американцам будет мало.

Удар пришелся американцам в самый чувствительный центр, поражено их чувство безопасности. А это как раз то самое, что отличает на генетическом уровне американцев от всех остальных наций, из чьих кровей и составился за три века американский коктейль.

За безопасность американцы возносят хвалу Господу, даровавшему им богатейшую землю, которую он столь удачно поместил между двумя океанами, так что ни один враг до сих пор не мог до нее добраться. И славят американский образ жизни, позволивший им стать лучшими в разных практических человеческих начинаниях – науке, технике, экономике, бизнесе. То есть самих себя. На Бога они надеются, но не плошают сами. Оплошать – значит для них оказаться не первыми. Это и есть главный вызов, на который нация ответит мобилизацией нужных ресурсов, чтобы восстановить нормальный ход вещей, то есть снова стать лидером. Они проведут ревизию всей своей социально-экономической машины, проверят все ее узлы, найдут и устранят все, что устарело, не работает. Они не успокоятся, пока не докажут – прежде

всего самим себе, – что у них действительно самая эффективная система и самое совершенное и потому безопасное общество.

Нам в России тоже не мешало бы решить кое-что для себя.

В эти дни с наших экранов отечественные гуру не удержались от советов Америке: быть сдержанными, не прибегать к ковровым бомбардировкам, ни в коем случае не поддаваться соблазну замочить террористов в сортире. И еще они искренне сочувствовали американцам: ну что у них за порядки – двери страны открыты, не страна, а проходной двор, всякая шваль чувствует себя вольготно – вот и доигрались. Особенно убедительно эта мысль звучала у наших разведчиков, а они знают, что говорят. В свое время советские агенты ухитрились украсть даже секрет американской атомной бомбы – вот до чего довела американская распущенность и вседозволенность. Советская разведка всегда била американскую на ее территории, а американцы все никак не делают должных выводов – не отменяют гражданские свободы. Был, правда, и у них короткий опыт завинчивания гаек как раз в пору атомных скандалов. Он вошел в историю под названием охоты за ведьмами и маккартизма, но и от него они очень быстро с гневом и ужасом отвернулись. Правда, несмотря на железный порядок, СССР взял да и развалился в одночасье, а США, несмотря на свой либерализм, превратились в единственный полюс этого мира. Но чувства нашего превосходства над ними, ущербными, это нисколько не отменяет.

Война, объявленная в тот трагический вторник, вовсе не будет войной цивилизаций, но к фундаментальным принципам цивилизации она имеет самое прямое отношение. Международные террористы сами поставили себя вне человечества. Нам надо определиться, с кем мы: с Америкой, с Западом, с нормальными странами. Или с теми, кого по-русски совершенно неправильно называют «странами-изгоями», а надо бы – «негодяйскими режимами», «преступными режимами». И не стоит лицемерно восклицать: а судьи кто? На самом деле общечеловеческий консенсус на этот счет существует. То, что предложили американцы, – еще достаточно узкий и неопровержимый критерий: государства, пестующие международный терроризм, должны быть подвергнуты остракизму.

Нам надо перестать кружить себе голову собственными хитроумными расчетами, доставшимися в наследство от порочных советских времен, и заигрываться в геополитические игры. И однажды решиться не обманывать других, но больше себя. Надо научиться называть вещи своими именами. Пока мы называли Чехословакию-68 или Афганистан «интернациональными акциями», а не интервенцией и войной, мы были обречены. Пока мы объясняем Чечню терминами международного терроризма и уверяем, что, разбомбив Грозный, спасли Европу от угрозы с острова Минданао, мы никогда не покончим с чеченской войной. Скорей, она перейдет в стадию войны камикадзе.

Нам надо разобраться с самими собой и раз и навсегда решить, что нам душевно ближе, что соответствует нашим вкусам, нашему национальному характеру, нашим национальным интересам, если хотите: лом или компьютер?

Нью-Йорк. Сентябрь 2001 г.

Тот же вид, год спустя

Что общего между башнями-близнецами Центра международной торговли и Вавилонской башней? И та, и эти башни рухнули, так что всё. И ничего, ибо мир не рухнул.

По существу 11 сентября оставило нам два вопроса. Повторится ли мозговая атака Неизвестного Террориста? И останется ли общество открытым? Ответ зависит от того, какие уроки извлечены из самого большого шока. Поговорим об уроках.

Год назад Америка объявила, что берет дело борьбы с международным терроризмом в свои руки. Отныне, не выйдя еще из шока, пообещала Америка, террористические гнезда должны выискиваться и уничтожаться, где бы они ни были, – завтра, через месяц, через год или пять лет. Государственные меценаты, покровители и укрыватели террористов предупреждены, что им придется заплатить за это полную цену.

Таков был американский ответ, и, преодолев колебания, следует признать, что это в принципе правильный ответ. Над американскими вестернами можно подсмеиваться как над слишком простодушным и бесхитростным жанром, но бандиты, налетчики, насильники должны сидеть за решеткой. Нас примерно этому еще Жеглов-Высоцкий учил… Отпор им должно давать всем миром, и вообще это дело шерифа – следить, чтобы торжествовал порядок. Афганистан показал, что Америка настроена всерьез и отступать не собирается.

Самым большим сюрпризом после самого большого шока год назад был русский ответ. Первым на американский призыв откликнулся русский парень. Он готов уже утром выступить со своей сбруей и амуницией. Оказывается, на этого русского парня можно положиться.

Президент Буш потом полгода сентиментально вспоминал, как президент Путин позвонил ему ночью. Американцам есть что вспомнить. Вклад России в антитеррористическую операцию в Афганистане оказался более существенным, чем вклад всего НАТО. Москва помогла мобилизовать своего клиента Северный альянс, способствовала (или не мешала) в получении баз в Средней Азии – зоне своего влияния, не говоря уже о том, что предоставила право пролета через свою территорию и делилась разведданными.

Внутриполитически русский ответ был на грани подвига. Ведь первая – инстинктивная – реакция российского политического истеблишмента на 11 сентября была иной. В ней слышались привычный антиамериканизм и плохо скрытое злорадство. Без видимых колебаний президент Путин проигнорировал эту, можно сказать, подкорковую тягу российской элиты искать удовлетворения в унижениях и поражениях Запада. Он не испугался выступить в коалиции под американским флагом.

Как это случилось? На этот счет у меня есть одна вполне детективная гипотеза.

Я думаю, что, как человек, прошедший школу разведки, Путин сразу почувствовал, какие возможности сулит эта свалившаяся с неба ситуация. Он окажет Бушу (а Россия – Америке) неоценимую услугу, которую никто другой не окажет. Это сразу поставит отношения между двумя людьми (и странами) на иной уровень. С этого момента Путин не терял ни минуты. Тактически он вел себя безукоризненно.

Признаюсь, в глубине души у меня таится еще и куда более далеко идущая надежда. А что, если это не просто тактическая удача – пусть и экстра-класса? Что, если это стратегический выбор?

Потому что, без сомнения, когда-нибудь Россия избавится от конфронтационного советско-имперского наследия. Когда-нибудь, желательно еще при жизни этого поколения, она окончательно и бесповоротно освободится от заведших ее в исторический тупик претензий на иную полярность, на противоположность своего исторического пути. Игры в антимир закончатся, о лаврах «империи зла» будет забыто. И тогда может оказаться, что 11 сентября было действительно поворотной вехой…

Увы, пока это желаемое, а не действительное. Сильно смущают ретромотивы в российской политике. Конечно, символическим акциям вроде реабилитации михалковского гимна при большом желании можно найти благозвучные объяснения. Мол, приходится платить дань традициям, истории, старшим поколениям. А особо изощренный ум может даже высказать фантастическое предположение: не умелая ли это маскировка прирожденного разведчика, задумавшего побег на Запад? Однако непреходящая политическая мода на старую эстетику и стилистику сама по себе опасный симптом. Она говорит о том, что советская ментальность вовсе не изжита – ни обществом, ни политической элитой.

Хотелось бы в рай, да грехи не пускают. Та же Чечня. То, как бездарную и безнадежную войну в Кремле вдруг лихо перекрестили в антитеррористическую операцию, как раз и доказывает, что до ясного стратегического выбора в пользу нормальности еще далеко. И вообще норма не должна быть сенсацией.

В свою очередь героический американский ответ – изгнать всех изгоев, наказать всех преступников – оказался на грани фола. Это становится ясным, стоит сравнить две акции – ту, что провели в Афганистане, и ту, что планируется в Ираке.

Безусловно, Афганистан был с начала и до конца американской операцией. В том смысле, что главные силы и деньги были американские, США были ее инициатором и мотором. Но это была международная операция. Она проходила под эгидой ООН, и эта эгида не была пустой формальностью. Мировой политический консенсус был действительно достигнут. Легитимность операции в Афганистане не вызывает сомнения.

Дело закончилось низвержением «Талибана» – одного из самых отвратительных режимов, сложившихся на Земле. Так получилось, и вряд ли кто-то будет скорбеть по этому поводу. Прекрасно, что перед многострадальным Афганистаном забрезжила иная перспектива, хотя одному Богу известно, что из всего этого получится…

И, наконец, последнее по счету, но не по значению обстоятельство. Целью операции, санкционированной мировым сообществом, было не переустройство Афганистана. Цель была более скромная, точечная, в сущности полицейская – уничтожить гнездо международной террористической организации. Вожди «Талибана» сделали фатальную глупость – они защищали это гнездо до последнего, за что и поплатились.

Широко анонсированная операция в Ираке отличается от афганской существенным образом. На нее нет мирового согласия. Она остается чисто американской затеей. Ей не хватает легитимности.

Даже по законам Дикого Запада шериф должен быть избран общиной. Недостаточно, чтобы самый крутой парень просто взял да и нацепил на себя звезду. И остается главный вопрос: а что такое порядок? Другими словами, что шерифу по силам, а что в принципе вне его компетенции. Порядок на улицах – это ответственность шерифа. А мировой порядок? Под силу ли это даже такому мировому шерифу, как единственная оставшаяся супердержава?

Чувства американского парня можно понять и даже разделить, но не ошибается ли он в оценке того, что его и всех нас ждет? Во Вьетнаме он уже однажды ошибся…

Мирового согласия в отношении похода на Ирак, на который зовет американский парень, нет по двум причинам. Неприемлемая цена: слишком много может быть крови, разрушений, как бы все это не закончилось региональным и мировым потрясением. И по нынешним временам некорректная, пусть и благая, цель: свержение режима, а не уничтожение бандитского гнезда.

Нет слов, в Багдаде нынче правит один из самых отвратительных, бандитских, террористических режимов на Земле. И если бы завтра Саддам Хусейн рухнул или – лучше – бесследно исчез, можно быть уверенным, что планетарный траур по нему объявлен не будет. Однако же свергать его всем миром? Созрело ли мировое сообщество до постановки такой задачи в повестку дня?

Мир нынче способен судить Милошевича или какого-нибудь кровавого генерала Бизимунгу из племени хуту, не говоря уже о вождях Третьего рейха. Это доказывают международные трибуналы в Гааге и Аруше, а полвека назад – Нюрнберг. Однако праведные эти суды смогли состояться пока только постфактум – после того, как, развязав что-нибудь вроде мировой войны, или югославской трагедии, или геноцида в Руанде, эти теперь уже признанные мировые преступники потерпели сокрушительное поражение. Но не в обратном порядке – не до того. Ни один преступный режим еще никогда не был устранен сознательной волей международного сообщества. Об этом, безусловно, приходится сожалеть, но это так. Увы, человечество не доросло еще до той стадии морально-политического единства, чтобы хирургическим путем освободиться даже от какого-нибудь племенного деспота Бокассы, не говоря уже о людоедах покрупней.

То, что произошло год назад в Нью-Йорке, сыграло свою роль в воспитании общечеловеческих чувств. Человечество солидарно ужаснулось. Человечество воочию увидело, чего оно никогда ни при каких обстоятельствах не может допустить и против чего оправданы крайние меры.

Любая акция международного терроризма – это репетиция Конца света. 11 сентября 2001 года Конец света не наступил. И теперь уже можно быть уверенным, не наступит. Но и Конец истории в конце прошлого века даже и с падением реального коммунизма не наступил. Кстати, примерно то, что модный нынче Фукуяма назвал Концом истории, не очень модный нынче Маркс называл «началом подлинной истории человечества». Он имел в виду, что когда-нибудь творить свою историю человечество будет сознательно в соответствии со своими идеалами. Может быть, это и слишком идеалистичная формулировка. Но только тогда, когда универсальность гуманизма будет выстрадана – и не раньше того, – часы истории начнут обратный отсчет времени для «стран-изгоев» и «негодяйских режимов». Для них просто не останется воздуха на этой планете.

Нью-Йорк. Сентябрь 2002 г.

Усама Бен Ладен как лобное место

9 лет 7 месяцев и 20 дней спустя после самой невероятной новости – гибели Башен-близнецов нью-йоркского Всемирного торгового центра Америка возвратила сенсацию – убит Усама бен Ладен. Совместная операция суперэлитного подразделения спецназа ВМФ США и ЦРУ была рассчитана по минутам, если не секундам. Под покровом ночи с 1 на 2 мая Команда № 6 «морских котиков» на двух вертолетах, стартовавших с американской базы в Джелалабаде (Афганистан), высадилась на крышу вычисленного особняка и, проникнув внутрь, уложила четверых. Это были сам Усама, обнаруженный в спальне третьего этажа – он был безоружен, один из его сыновей и два связника (курьерская почта была его единственной связью с миром; телефон, Интернет для глобального заговорщика были смерти подобны). Случайно погибла еще одна женщина, но в целом действия «морских котиков» были точны, не зря они тренировались на макете здания в натуральную величину, построенного на базе в Баграме. Через сорок минут все было кончено. Стремительная эвакуация на базу в Джелалабад, экспресс-анализ тела на ДНК, который подтвердил «на 99,9 %», что ошибки быть не может, еще один воздушный бросок – на этот раз к Аравийскому морю, где на борту авианосца «Карл Винсон» состоялись, возможно, самые быстрые в мире похороны. Тело обрядили в саван, над ним были произнесены слова арабской молитвы. Потом, как ту самую молитву, повторяли, что процедура прошла «с соблюдением всех полагающихся мусульманских обрядов», хотя с не меньшим основанием можно было бы сказать, что она прошла с соблюдением всех пиратских обычаев. Тело опустили в морскую пучину, чтобы оно исчезло навсегда. Церемониймейстеры операции явно были озабочены тем, чтобы не дразнить исламские массы, но еще больше – как не оставить от Усамы даже камня, который мог бы превратиться в объект фанатического поклонения.

Уйдут ли концы в воду? Теперь это главный вопрос. Удастся ли американцам похоронить Усаму – не тело, а явление, ставшее мифом?

Долгожданное событие Америка восприняла как акт высшей справедливости. Правда, сообщил об этом не 43-й президент США Джордж Буш-младший, который объявил войну терроризму во всемирном масштабе. Это сделал уже 44-й президент США Барак Обама, обещавший закончить старые, нерасчетливо начатые до него войны и даже получивший за это авансом Нобелевскую премию мира. Тем не менее, в эйфории Америка простила эту задержку. Как и другую шокирующую подробность. Самый разыскиваемый преступник в мире пять лет прятался не где-нибудь в пещерах Тора-Бора, а в особняке за высоченным дувалом, увитом колючей проволокой, в одном километре от пакистанской военной академии, в облюбованном военными городке Абботабаде в ста километрах к северу от Исламабада – столицы главного союзника США по этой войне…

А не нарушили ли США суверенитет Пакистана, проведя на его территории свою военную операцию? Успокойтесь, господа! Конечно, нарушили. Недаром все американские должностные лица, начиная с Обамы, с первой секунды старательно подчеркивали, что операция проводилась «в сотрудничестве с пакистанскими властями», а высшие пакистанские лица упирали на то, что «достигнута общая цель». И те, и другие спасали лицо, старательно наводили тень приличия на то, что не лезет ни в какие ворота.

Все эти годы сотрудничество США и Пакистана в достижении общей цели происходило престранным образом. Главная странность не слишком политкорректно называется «Исламская Бомба». Возможность, что эта Бомба попадет в руки исламистов – немыслимый кошмар. Она заставляет Вашингтон исполнять такие па вокруг Исламабада, которые ни на какой другой танцплощадке ему и не пришло бы в голову исполнять. Пакистан – бедная мусульманская страна, где население очень не любит богатую Америку и скорей симпатизирует ее врагам, с огромными амбициями, подкрепляемыми обладанием ядерным оружием, и при этом с крайне

неустойчивым политическим режимом и свято хранимой обществом привычкой решать разногласия пулей на месте. Аль-Каида и Талибан чувствовали себя в Пакистане как дома. Время от времени пакистанская армия проводила военные операции против них, но по большей части зона пуштунских племен на границе с Афганистаном была их убежищем. Безымянные американские чины жаловались, что на деле пакистанские военные покрывают и укрывают тех, кого следует уничтожать. Не полагаясь на ненадежных союзников, американцы сами наносили удары по лагерям боевиков и охотились на их лидеров. Чтобы не нести потерь и не вызывать ассоциации с интервенцией, ставка была сделана на атаки дронами, но и высокотехнологичные дроны не умеют отличать боевиков от мирных жителей, и каждая кровавая неточность подливала бензин в пламя антиамериканизма на пакистанской земле. Пожар приходилось заливать многомиллиардными госвзятками – деньгами и оружейными поставками (20 миллиардов долларов за 10 лет).

Нарушили ли американские «морские котики» пакистанский суверенитет? Это все равно, что спросить оперов, бравших Чикатило: а были ли зачитаны ему его права?

Американские должностные лица утверждают, что Усаме бен Ладену было предложено сдаться, но он не согласился. Это невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Было сказано, что мишень № 1 получила пулю в лоб. С тех пор, как этот лоб превратился в лобное место, иного исхода и не могло быть. А именно в этом и состояла высшая цель Усамы бен Ладена – превратиться в главное лобное место мира.

В 30-е годы прошлого века отец Усамы бен Ладена совершил немыслимый взлет. Йеменский бедняк, подрабатывавший носильщиком у паломников на пути из Джидды в Мекку и Медину, стал главным подрядчиком двора Саудитов и сказочно разбогател, строя королевские дворцы и ремонтируя самые знаменитые мечети. Продолжи 7-й сын королевского подрядчика его дело, как это делают его братья по всему свету, в том числе в США, и он мог бы претендовать на место в списке «Форбса». Вместо этого он объявил дворцам войну. Списку «Форбса» он предпочел список самых разыскиваемых преступников и не успокоился, пока не занял в нем первого места. За его голову американская администрация последовательно давала сначала 5 миллионов долларов, потом 25, потом 50 миллионов. В сознании американцев, да пожалуй, и всего западного мира он достиг статуса мирового злодея из Бондианы. Наяву он реализовал самые гротескные фантазии Яна Флеминга.

Он никогда не был на Западе и стал его бескомпромиссным врагом. В университете имени короля Абдулазиза в Джидде он учился экономике и бизнесу, но увлекся религиозной мистикой в самой агрессивной форме. Как Святое Писание он принял завет: «Джихад и винтовка! Никаких переговоров, никаких дискуссий и никакого диалога». Он принялся издавать фетвы (проклятия с инструкциями), хотя не стал священнослужителем. Себя он вообразил эмиром халифата, простирающегося от Афганистана до края Земли, как это было в VII веке.

Свое посвящение Усама Бен Ладен прошел в Афганистане. Там он приобрел привычку сниматься с автоматом Калашникова, который, по его словам, он добыл в бою, своими руками задушив советского солдата. Окружающие с восторгом слушали его рассказы о том, как он потерял страх. В действительности ни в каких боях он не участвовал. Он занимался вербовкой моджахедов из разных стран Ближнего Востока, которых звали «афганскими арабами», и наблюдал, как пакистанские инструкторы из секретных служб обучают их обращению с американским оружием, купленным на саудовские деньги. «Афганские арабы» составили костяк будущей Аль-Каиды (сформирована 11 августа 1988 года), а он сам обрел образ героя джихада. Связи с пакистанскими спецслужбами, судя по всему, у него оставались до последнего дня.

В Афганистане одна сверхдержава была повержена, эту заслугу Бен Ладен без стеснения приписал себе и своему Арабскому легиону. Теперь следовало разобраться со второй сверхдержавой.

29 декабря 1992 года бомба взорвалась в отеле Голд Михор в Адене. Два человека погибли во славу Бен Ладена. Аль Каида откликнулась на их смерть все разъясняющей фетвой. Оказывается, убить человека, случайно оказавшегося рядом с врагом, не грешно. Если жертва была невинной, добрым мусульманином или мусульманкой, то после смерти ее ждет награда, она прямиком отправится в рай. Ну, а плохие мусульмане и тем паче неверующие отправятся в ад, туда им и дорога. Фетва, впрочем, была секретной, не для широкой публики, а исключительно для своих. Они должны были понимать, что лес рубят – щепки летят. Это джихад. Когда гибнут гражданские, женщины, дети, это нормально.

За диверсией в Адене последовал куда более успешный взрыв в египетском туристическом городе Луксоре (погибли 62 человека). Затем Усама бен Ладен протянул руку помощи братанам из Талибана, послал несколько сот своих боевиков, и те устроили резню в Мазари-Шарифе.

26 февраля 1993 года в грузовике, въехавшем в подземный гараж Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, взорвалась бомба. Погибло 6 человек.

В октябре того же года 18 американских военных были зверски убиты в Сомали, толпа глумилась над трупами.

Не скрывая восторга, Усама бен Ладен поучал американцев, что если им дороги жизни их детей, то им нужно подобрать другое «более серьезное правительство». Первое, что оно должно сделать – это вывести все свои войска с Ближнего Востока. А заодно – покончить с непотребностями, гомосексуализмом, наркотиками и ростовщичеством.

На дисках, которые агенты ЦРУ вынесут из особняка в в Абботабаде, запечатлены интимные мгновения, выдающие образ. Вот перед записью с очередным обращением он красит бороду в черный цвет. А вот живьем появляется перед сторонниками – на белом жеребце. Чистая реинкарнация пророка Мохаммеда. Глобалист антиглобализма – Усама бен Ладен соединил терроризм с религией и превратил его в веру. Аль-Каида явно претендовала на то, чтобы стать брендом мирового страха.

В 1998 году Усама бен Ладен и его египетский союзник Айман аль-Завахири подписали совместную фетву, открывающую «Мировой исламский фронт джихада против евреев и крестоносцев». Убийство североамериканцев и их союзников – «личный долг каждого мусульманина», ибо пора «освободить мечеть Аль-Акса (в Иерусалиме) и Святую мечеть (в Мекке) из их лап». Так расшифровывалась фетва. Североамериканцы – «очень легкие мишени», – разъяснил бен Ладен журналистам. «Вы в этом скоро сможете убедиться», – пообещал он.

7 августа одновременно две бомбы взорвались в американских посольствах в Найроби, Кения, и Дар-эс-Саламе, Танзания. Счет убитых и раненых: 213 и 4500 в первом случае и 11 и 85 – во втором.

12 октября 2000 года шахид проник на борт американского эсминца «Коул», заправлявшегося в Аденском порту, и подорвал себя. 13 моряков погибли, 39 получили ранения.

Звездный час Усамы Бен Ладена наступил 11 сентября 2001 года, когда его дьявольской волей американское небо пало на землю, а вместе с ним рухнула американская гордость и высота – близнецы-небоскребы, закачался Пентагон, погибли три тысячи человек – сборная команда корпоративной Америки. Два раза по 110 этажей, в одно мгновение на глазах у всего мира превратившиеся в прах, – о таком триумфе не мог мечтать ни один Герострат.

9/11 окончательно превратило Усаму бен Ладена в символ мирового зла. Далее ему оставалось только раствориться. Он раздвоился. Тщательно симулируя призрак исламизма, что бродит по миру и является, как ночной кошмар, то в лондонской подземке, то в мадридском поезде, он в реальности пустился в бега от вынесенного ему смертного приговора… (Однажды чудом спасся от массированной бомбардировки, выскользнув из пещеры Тора-Бора тайной тропой. В другой раз успел уйти от ракетного налета, когда его выследили в его тайном афганском лагере. В третий раз – ракета попала в его конвой, но не в его машину)… Осознав без-

надежность бега, решил перехитрить судьбу, избрав пожизненное заключение в неизвестной одиночке, в тайной надежде, что смерть, которая придет, чтобы забрать его отсюда, будет своя. Тщетная надежда.

Не столь ясно, какой жизненный срок выписан мировому терроризму, пророком и символом которого стал Бен Ладен.

Месть страшна… Так мог бы называться роман мирового терроризма. Месть – реакция отчаяния, последняя радость и оружие тех, кто потерял все и кому не осталось больше ничего. В этом смысле чрево, которое питает и вынашивает терроризм в разных темных углах мира, плодовито.

Два обстоятельства, однако, работают против него.

На десятилетие Усама бен Ладен стал героем арабской улицы, но что он дал ей, кроме сладости мести? На свой инфернальный счет он мог бы записать войну в Ираке и войну в Афганистане, которые он спровоцировал, 150 000 смертей и триллион долларов, которые США потратили на войну с терроризмом. Может быть, главный его успех состоит в том, что ему в немалой степени удалось навязать Америке свои методы – искусственный гибрид американской демократии с антитерроризмом временами выглядел вполне отвратительно. И все же куда больше Усама походил на доктора Но, чем на пророка Мухаммеда.

Что за выгода от его кровавых затей арабскому миру? Почему и за что гибнет так много братьев-мусульман? Если это и есть подлинный ислам, то это вера смерти, а не жизни. И какие реальные проблемы он решил такой дикой ценой: прогнал «крестоносцев»? Избавил хоть одну арабскую страну если не от нищеты, то хотя бы от местной сатрапии?

Популярна точка зрения, что гибель террориста № 1 лишь подстегнет мировой терроризм. Не думаю. Конечно, его оставшиеся в живых соратники постараются доказать, что есть еще порох в пороховницах. Поэтому все мировые лидеры призывают к бдительности. И тем не менее в те годы, что Усама провел в абботабадском заточении, от Аль-Каиды оставалось лишь раскрученное имя, которое брали напрокат местные террористические группы. Тоже немало. Лишившись вождя – самой ценной своей составляющей, этот террористический бренд сильно потерял в своей мировой капитализации.

Но самое главное знамение куда значительней Усамы – живого или мертвого. Арабский мир явно двинулся в другую сторону. Ближний Восток кипит и взрывается, но совсем не так, как это виделось самоназначенному калифу несостоявшегося халифата.

Вашингтон. Май 2011 г.

Десять лет спустя

«Эх!.. Словом „эх“ д’Артаньян, научившись мудрости, оканчивал теперь каждую свою мысль и фразу. Прежде он говаривал: „черт возьми!“, похожее на удар шпор. Теперь он состарился и шептал только философское „эх“, служившее уздой для всех страстей…»

Так начинается одна из глав так любимого нами в детстве романа Александра Дюма «Виконт де Бражелон, или десять лет спустя».

10 лет спустя после мирового шока 9/11 без «Эх!..» и «Черт возьми!» не обойтись.

10 лет назад мы увидели – в тысяче телеповторов, как рушится крыша мира, оседают и рассыпаются 110-этажные башни-близнецы Всемирного торгового центра. Мы не верили своим глазам, но картина была реальной. Наши выводы были под стать: это без объявления пришла «война миров» или «война цивилизаций». Новое имя Аль-Каида расшифровывалось не иначе как «апокалипсис сегодня».

«Черт возьми!», мы сильно ошиблись. В некотором роде рухнувшие башни-близнецы были вершиной капиталистического мира, современной финансово-экономической цивилизации, так что удар был рассчитан точно. Но какой такой мир, пусть даже антимир, какую конкурирующую цивилизацию, пусть даже утопию, Атлантиду, представляли налетчики? Явление окрестили «мировой терроризм». С перепугу его поставили в один ряд с коммунизмом или фашизмом. Это был явный перебор. Обе эти системы претендовали на то, чтобы стать некой антитезой мирового развития (и даже столбовой дорогой), именно поэтому противостояние сначала фашизму, а затем коммунизму были главным содержанием XX века. Терроризм даже с мировой сетью стал не более (хотя и не менее) чем формой психической атаки, эликсиром мести, способом реванша, сильнодействующим лекарством от комплекса неполноценности.

Ждали нападений на ядерные станции. Ждали чумы на все наши дома – в буквальном смысле слова – бактериологической заразы, которая поразит страны и континенты. Взрывы на Бали, в Мадриде, Лондоне, налет в Мумбае были кошмарны, но до апокалипсиса не дотягивали.

Десять лет спустя в результате кинжальной вылазки спецназа США Усама бен Ладен получил пулю в лоб. Вместе с телом Усамы «морские котики» прихватили с собой больше сотни электронных носителей. Информация, содержащаяся на них, сродни анализу ДНК. В ней духовный портрет не только абботабадского затворника, но и самой Аль-Каиды. Это портрет поражения.

Вся деятельность мирового страшилища была направлена на пиар. Регулярные послания из небытия, которыми Усама напоминал о себе, полны мистицизма и мировых претензий. Сохраненные на жестких дисках его реальные мечты были куда скромней. Заполучить клок земли, над которым можно было бы водрузить флаг «своего государства» – в Азии, Африке, где угодно, вот чем он грезил. Далеко до мирового господства. Но и эта цель оказалась неисполнима. Ровно наоборот. Как дома Аль-Каида чувствовала себя лишь в трех местах – в глухих провинциях Афганистана, на территориях племен между Афганистаном и Пакистаном и в Сомали. Общее тут то, что эти три точки оказались черными дырами современной цивилизации. То есть не только не по силам было новому калифу создать собственное государство. Ровно наоборот, выживать его сторонники могли только там, где существующие государства провалились, где не оставалось никакой власти. И то до поры.

И отсюда другая цель, запечатленная на ди-ви-ди и си-ди, на которую были направлены все заботы и мысли Бен Ладена. Позарез нужна была новая оглушительная операция. Второе 9/11. До смерти хотелось приурочить это второе 9/11 к десятой годовщине первого. Ничего не получалось.

Из захваченных документов прояснился и метод. Аль-Каида сильно себя перехваливала. Реальной мировой сети у нее не было. Ставка делалась на «одиноких волков», которые нападают из темноты. При этом предельно эксплуатировались открытость мира, воздушная легкость международных коммуникаций – тот самый глобализм, который новый пророк Бен Ладен нещадно обличал. Мировая организация Аль-Каиды оказалась мифом. Локальные терроризмы – движения и группы в разных концах света, набивая себе цену, готовы были брать напрокат имя, ставшее брендом мирового страха. И Бен Ладен успешно торговал этим брендом. Загнанный в угол, он сдавал его в лизинг.

В действительности уже тогда, когда он решил укрыться в особняке за дувалом, он фактически признал свое поражение. Назначить себе камеру самого строгого режима можно только от отчаяния перед неотвратимостью смертного приговора. На время ему действительно удалось то, что не удалось Шакалу Карлосу – залечь на дно. Кончилось это все равно дном Аравийского моря.

Операция в пакистанском Абботабаде ценна своей уникальностью, но еще больше как раз тем, что она поставлена на высокотехнологичный конвейер. У Америки к терроризму персональный счет. На профессиональном языке ЦРУ это называется «High-Value Targets». Поражение «особо ценных мишеней» роботизировано.

В этом специальном смысле, пожалуй, действительно можно говорить о сшибке цивилизаций. И тут следует признать, что это очень неравная схватка.

Изоляция Бен Ладена была почти абсолютной. Из всех возможных средств связи ему оставалось лишь то, что надежно действовало еще во времена халифов – два гонца. Из техники он мог позволить себе лишь видеомагнитофон. Завернувшись в одеяло, он бесконечно смотрел на себя прошлого, прокручивая собственные страшилки – обращения к Америке и миру. Это доставляло удовольствие, но для оперативного управления не годилось. Мобильный телефон, электронная почта были для него табу. Как и для № 2 Аль-Каиды. Но дальше-то без них уже было не обойтись. В итоге по телефонным счетам пришлось заплатить жизнью трем подряд № 3 Хамзе Рабипу, Мустафе Абу аль-Язиде и Атийе абд аль-Рахману. В 2005 году американский дрон настиг первого, в 2010-м – второго, в августе 2011-го – третьего.

Для Аль-Каиды американские дроны – воистину небесная кара. Какой уж тут мой дом – моя крепость! На другом конце света в штате Вирджиния оператор нажимает на кнопку, а в провинции Вазиристан прямо у себя дома взлетает на воздух лидер пакистанского Талибана Байтулла Мехсуд. Или в пустыне Йемена – Анвар аль-Авлаки, самый известный пропагандист Аль-Каиды. В отличие от других «особо ценных мишеней» его смерть не назовешь бесшумной. Она сопровождалась громкой дискуссией в США: какое право имело ЦРУ действовать таким образом? Г-н Авлаки, конечно, террорист, но ведь он еще был и американским гражданином, а раз так, то находился под защитой американской Конституции! И юристам из администрации Обамы пришлось вырабатывать специальный меморандум, суть которого сводилась к тому, что в исключительных случаях, когда опасного заговорщика против безопасности США невозможно подвергнуть аресту, правомерно действовать и таким способом…

Дроны – сложная и дорогостоящая система. Каждый дрон обслуживают сто пятьдесят специалистов. В целом программа обходится в миллиарды долларов. Но ведь не в триллион, который бесследно исчез в топке двух войн – афганской и иракской, нерасчетливо развязанных администрацией Буша-младшего в праведном гневе после 9/11 в качестве (или вместо?) войны с терроризмом.

Обама взял курс на то, чтобы прекратить эти две войны. За что получил от своих оппонентов из республиканского стана обойму обвинений. Дескать, он «сдает позиции», и даже «умиротворяет террористов». Обама парировал эти выпады одной фразой: «Спросите Усаму бен Ладена и 22 из 30 командиров Аль-Каиды, которых мы убрали с поля боя, что это за умиротворение. Или кто там у них остался, спросите их об этом».

Диктатуры и терроризм – две чумы на мировой дом. Война против терроризма – оправданный и закономерный ответ. В этой войне разные средства могут быть хороши. Кроме одного: это не может быть война. Война – это не продолжение политики иными средствами. Это конец всякой политики. Как диктатура. Или терроризм.

Январь 2012 г.

Репортаж из самой горячей точки

Законы жанра требуют возвращения в точку невозврата.

9/11. Хронометраж.

Первый из угнанных «Боингов 767» врезался в северный фасад Северной башни нью-йоркского Всемирного Торгового Центра в 8 часов 46 минут 40 секунд. Смертельный удар пришелся между 93 и 99-м этажами. Семнадцатью минутами позже, в 9 часов 03 минуты 11 секунд, второй плененный пассажирский «Боинг 767» протаранил южный фасад Южной башни между 77 и 85-м этажами.

Южная Башня рассыпалась на куски первой. Она горела 56 минут. Северная башня продержалась 102 минуты.

Все, что было ниже и рядом, рухнуло под обломками Близнецов.

Девять месяцев подряд 24 часа в сутки шли работы по расчистке территории, прежде чем можно было приступить к реконструкции.

Эпицентр. 12 лет спустя.

Пять небоскребов поднимутся в небо с площадки Всемирного Торгового Центра. 52 этажа ВТЦ 7, 72 этажа ВТЦ 4, 80 этажей ВТЦ 3, 79 – ВТЦ 2, интригующие обещанными Норманном Фостером четырьмя бриллиантами крыши, склоненными в сторону Мемориального парка, и 104 этажа главного здания, которое первоначально называлось Башней Свободы, а сейчас просто ВТЦ 1. Плюс вокзал размером с Гранд Сентрал, куда сойдутся линии метро со всех концов Нью-Йорка и придут поезда из Нью-Джерси.

Скоро большую часть строительных ограждений снимут. А пока к собственно Эпицентру пробираешься как по лабиринту. В награду оказываешься в молодом зеленом парке. Глаз притягивает стеклянный куб дерзкой конструкции – Национальный Музей Памяти 11 сентября.

А теперь очи долу. Представьте себе распластанный черный квадрат. Истинный его масштаб понимаешь не сразу, между тем его площадь равна 4000 квадратных метров. И у него есть глубина – дно и бездонность. Этот эффект создает его симметричная в сильном уменьшении нижняя проекция – квадрат в квадрате, чье собственное дно скрыто от глаза.

И все это пространство в струях воды. По десятиметровым стенам с четырех сторон они в два каскада стекают из большого квадрата в малый, устремляясь куда-то к центру в невидимую глубь. К эпицентру.

Вечно живое мраморное озеро. Его наполняет и никогда не наполнит самый большой в Америке рукотворный водопад. Черный квадрат – периметр этого озера. А вся горизонтальная плоскость четырехугольного парапета – одна могильная плита. Золотом бронзы по черному мрамору идут имена. Склоните голову перед озером памяти!

Озеро памяти не одиноко. Их два – Северное и Южное. Как было две башни-близнеца – Северная и Южная. Черные квадраты озер повторяют контуры их фундаментов.

В два черных квадрата впечатаны 2983 имени – все до единой жертвы 9/11 (их 2977) и 6 погибших от диверсионного взрыва в ВТЦ в 1993 году.

Организаторы размышляли: как расположить имена? Необыкновенно деликатная задача. В алфавитном порядке… В произвольном порядке… Но тогда близкие люди могут оказаться разделены. Был избран принцип семейной, коллегиальной и иной близости. Как выразился один из руководителей Музея, «имена ваших возлюбленных окружены именами тех, кто был рядом, работал рядом, жил рядом и, очень возможно, что умер рядом».

Среди погибших были десять беременных женщин. Каждое имя сопровождает приписка: «и ее не рожденное чадо».

Свой проект архитекторы Микаэль Арад и Питер Уокер назвали «Reflecting Absence». Второе слово означает Отсутствие. Первое – Отражать (отражая, отражающееся) и Размышлять (размышляя). Попробуйте перевести это сами.

В молодом парке, в который вписаны два озера, все деревья – близнецы, 400 ровных дубков-десятилеток. Их листва по осени отливает золотом, они достигнут двадцати с лишним метров в росте и проживут 300 и больше лет.

Одно дерево в парке было особенное. Его история чистая притча, кроме того, что она не придумана.

Что могло выжить на территории катастрофы, во много слоев заваленной бетонными глыбами и стальным ломом, пеплом и прахом рухнувших небоскребов?! Но одно старое грушевое дерево, высаженное еще в 70-е годы – ровесник Близнецов, не погибло. В октябре 2001 года, разбирая завалы, рабочие обнаружили, что на одном обожженном стволе под пеплом есть живая ветка. Дерево забрали в питомник в Бронксе, где его долго выхаживали, не слишком рассчитывая на успех. И выходили. Из стойкого побега выросло новое десятиметровое дерево. В декабре 2010 года его пересадили на прежнюю площадку. Теперь у него есть собственное имя, которое знает вся страна. «Выжившее Древо».

Воздвигнутые в 1972 году 110-этажные Башни-близнецы были самыми высокими небоскребами в мире, они потеснили на этом пьедестале знаменитый Эмпайр-стейт билдинг, чье гордое одиночество на высоте продолжалось 40 лет. Впрочем, уже два года спустя чикагский небоскреб «Сирс» подтянулся еще выше.

Когда отца Близнецов архитектора Камасаки спросили: «Почему два здания по 110 этажей? Почему не одно – в 220?», он ответил: «Я не хотел терять человеческий масштаб». Рост Северной башни равнялся 1368 футам (417 метров).

Перед авторами ВТЦ 1 стояла дерзкая и деликатная задача. Их творение должно было одновременно встать вровень с падшими гигантами, превзойти их и невольно не унизить. Архитектор Дэвид Чайлдс нашел самое простое и при этом символичное решение. Макушка собственно здания поднимается ровно на эту высоту – 417 метров и ни одним футом больше. Но макушка не финиш восхождения, а лишь перевал, ее увенчивает элегантный шпиль высотой еще в 408 футов, он-то и скребет небо. Шпиль функционален – это телебашня. Но почему 408 футов? Сложите 1368 футов (высота основного здания) и 408 футов шпиля. Получится 1776. Так предписывалось генеральным планом восстановления Всемирного Торгового Центра, разработанным архитектором Дэниелом Либескиндом. Высота Башни Свободы должна быть равна 1776 футам – точка.

(На генплан, а затем и на каждый проект: ВТЦ 1, ВТЦ 2, ВТЦ 3, ВТЦ 4, ВТЦ 7, вокзал, музей, мемориал – был объявлен свой конкурс, так что имена, которые тут мелькают, это имена избранников-победителей).

И все же почему 1776? Этот вопрос может задать кто угодно, но только не американцы. Потому что это год Американской независимости. И потому что из этой счастливой цифры, в их представлении, выросли все их успехи и достижения. Что и должно утверждать каждым своим футом самое высокое и, по-видимому, самое элегантное здание Западного полушария.

Специалисты в области прочности, надежности, безопасности, экологичности и прочая найдут в этом ультрамодернистском творении немало материала для вдохновения. Но главный приз достался жителям и зрителям Нью-Йорка.

Башни-близнецы представляли собой два идеальных прямоугольных параллелепипеда. Архитектор Дэвид Чайлдс тоже принял за основу вытянутый вверх прямоугольный параллелепипед. А потом взял в руки резец и с уровня примерно десятого этажа решительно срезал вертикальные ребра, как бы заточив здание кверху. Так что квадрат крыши трансформировался в восьмиугольник. И вся конструкция преобразилась. То, что было параллелепипедом, стало

кубом, перерастающим в октагон. Фокус преображения творят стены-клинья. 4 стены – 4 острых клина, обращенных вверх, 4 срезанных ребра – 4 клина уже острием книзу.

Ослепительные клинья-крылья вызывают ощущение вертикального взлета. Все соседи крепко стоят на земле. А этот небоскреб 5-го поколения стрелой вонзается в небо: шпиль – наконечник в оперении из стекла и стали. Или взмывает ракетой, оставляя за собой прозрачный инверсионный след.

Роспись человеческого гения клинописью по небу. Икона стиля и просто икона. Факел, свеча. Обелиск, поднявшийся из эпицентра.

Очи горе! Из пепла трагедии родился новый символ Нью-Йорка.

Нью-Йорк, Даунтаун, ВТЦ. Сентябрь 2013 г.

* * *

В Нью-Йорке невольно становишься язычником: начинаешь верить, если не в небо, то в skyline. Skyline – это линия неба, которую чертят небоскребы. И это самое лучшее, что есть в этом городе. Его лик, его дух, его почерк.

Я снова в Нью-Йорке и мне повезло: из окна дома друзей открытый вид на юг, притом в нужном ракурсе – днем и ночью. Доминирует летящий абрис ВТЦ 1. А где же бриллианты Нормана Фостера, сверкающие с крыши 78-этажного ВТЦ 2? За то время, что прошло с предыдущего репортажа, это небо уже должно было быть в бриллиантах…

С бриллиантами получилась незадача. Для начала – ошибку сделал я. Описывая принятый генплан возрождения площади из руин, я почему-то решил, что все ее небоскребы будут одновременно «штурмовать небо». А как же иначе? Оказалось как раз иначе. Строительство здания, которое должно было стать вторым по высоте, застопорилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.